Некоторые колхозы, выполняя задания по росту поголовья скота, отстают в производстве продуктов животноводства.

Рисунок К. РОТОВА.

— Отчёты погрузите в вагон, а удой я в руках довезу.

КРОКОДИЛ

№ 6 (1404) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII МОСКВА 28 ФЕВРАЛЯ 1955

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

КУКУРУЗА: — Идёмте, идёмте, товарищ агроном, нам обоим место в поле.

ЗОЛОТЫЕ КОСЯКИ

Недавно нам довелось беседовать с одним нашим знакомым — работником рыбных промыслов на Дальнем Востоке. Его волнующий рассказ — это крик наболевшей души.

— Представьте себе на минуту,— начал наш знакомый,— вы завзятый рыболов-спортсмен и увлекаетесь этим спортом до самозабвения. Вы отлично разбираетесь в рыболовной технике и до мелочей изучили все рыбьи повадки. Я вижу вас на берегу реки или озера. Вы сидите неподвижно, глубоко сосредоточенно: вы священнодействуете!

И вдруг рядом с вами появляется любопытствующий зевака и от нечего делать поучает, даёт советы, инструктирует:

— Держите удочку выше! Держите удочку ниже! Опустите блесну глубже!

При всей своей выдержке вы посылаете к бесу непрошенного советчика. Если же в этот день улов был неудачным, вы сваливаете всю вину на того, кто говорил вам под руку.

Но как труженикам рыбных промыслов избавиться от советчиков, косяками прибывающих на путину с особыми полномочиями?!.

— Возьмите карандаш и подсчитайте! — предложил нам собеседник.— Сначала приехала бригада из союзного министерства с заместителем министра Семёновым. За ней последовала бригада начальника Главсахалинрыбпрома Лушникова. Вместе с Лушниковым приехали его помощник, главный инженер, стенографистка, машинистка, учётчица и шофёр персональной машины. А потом пошло и пошло! Сорок уполномоченных из Сахалинского управления моторнорыболовных станций и областного рыбакколхозсоюза! Начальник управления Кацук и председатель союза Полтавский также прибыли в своих персональных машинах. Всех встречай, всех принимай, размещай, а главное, обеспечивай сводками и всякими цифрами! Я и без того забыл, что такое сон, а тут и вовсе потерял покой.

Дальневосточник глубоко вздохнул и продолжал свою грустную повесть:

— И хоть бы какая-нибудь от них польза! Начальник главка Николай Николаевич Лушников, едва переступил порог треста, тотчас же приказал вызвать с моря корабль, на котором он собирался выехать для самоличного руководства путиной, да так за сорок дней и не собрался: то насморк помешал, то на море показались барашки...

Думаете, только у нас такая картина? Всюду одно и то же. Всюду на путину косяками прибывают уполномоченные и косяками ходят по территории промыслов, дают запоздалые советы, читают нотации и тычут пальцами: «Тут у вас непорядок, там недоделка». А я и без них это знаю. Но когда, скажите, заняться этими недоделками, если я только тем и занят, что пишу уполномоченным объяснения по поводу этих самых недоделок?!

Приятель из Керчи мне сообщает, что к ним прибыло двадцать восемь уполномоченных на хамсовую экспедицию! Двадцать восемь человек просидели полтора месяца в местной гостинице, ждали погоды и играли в биллиард. А чем помогли рыбакам? Ничем! Пользуясь непогодой, хамса прошла залив мелкими, незаметными партиями.

Наш собеседник умолк и, что-то вспомнив, улыбнулся:

— Конечно, и среди уполномоченных бывают исключения. Рассказывают, в Новороссийск из министерства прислали старшего инженера Хан-Магомедова. Прислали практически помочь освоить дрифтерные сети. Хан-Магомедов покрутился несколько дней в Новороссийске и уехал, предпочитая «практически загорать» за казённый счёт на пляжах Сочи, Гагры и Сухуми.

Будь я на месте министра, я бы каждому уполномоченному вручил по удочке, и поверьте, улов сразу повысится!

...Когда мы передали об этой беседе одному ведущему товарищу из Министерства рыбной промышленности, тот не на шутку обиделся:

— Послушать вашего знакомого,— всё зло в уполномоченных. Послушать его,— у этих уполномоченных прямо-таки райская жизнь. А подумал ли кто о мытарствах уполномоченных? Бесконечные разъезды, ночёвки в служебных кабинетах... В министерстве есть уполномоченные — настоящие герои, великомученики. Возьмите хотя бы инженера Когана из управления флота. Сто сорок пять дней провёл он, бедняга, в командировке! А другой инженер — Орлов — двести двадцать пять дней! От них даже родные дети отвыкать начинают!

Выслушали мы товарища из министерства и невольно воскликнули:

— Товарищи! Пожалейте уполномоченных! Пожалейте рыбаков! Всё это живые люди! Пожалейте деньги, которые ежегодно тратятся на этих уполномоченных! Это советские деньги! Возьмите на себя благородный труд и подсчитайте, во что обходится килограмм сельдей, выловленных без помощи, но при участии густых косяков уполномоченных! Ведь это же поистине золотые косяки!..

Е. ВЕСЕНИН

Диктант

Директорский кабинет в тот день напоминал школьный класс после экзамена. Сам директор МТС Андрей Спиридонович Чумак, вооружившись лупой и красным карандашом, просматривал кипу рукописей, которые начинались со слова «Диктант».

В комнате стояла напряжённая тишина.

— Есть! — вдруг радостно вскричал Андрей Спиридонович. — Он! Нашёл!

Но тут же огорчённо вздохнул:

— Нет, хвостик у буквы «д» не такой!..

И продолжал вслух рассуждать:

— Здесь хвостик кверху задрался, а там, стало быть, вниз смотрит... Не тот!

А тем временем в коридоре собрались сотрудники МТС. Здесь царила та нервозность, которая обычно бывает среди учеников, ожидающих отметки за письменную работу.

Пожилой человек отчаянно спорил с молодым агрономом:

— Вы, друг милый, ещё ни «а», ни «б» сказать не могли, когда я курс грамматики кончил. Меня на этих диктантах не проведёшь...

— А я из-за грамматики два года в пятом классе сидел, — вздыхал человек в спецодежде.

Прибыв утром несколько раньше обычного, Андрей Спиридонович вызвал всех работников МТС срочно к себе, в директорский кабинет:

— Слушайте приказ! Запаситесь бумагой и чернилами. На подготовку пять минут.

И вот в кабинете воцарилась тишина, нацелились в ожидании перья.

— Итак, — обратился Чумак к слушателям, — всем писать: «Диктант»...

Заложив одну руку за спину, вытянув перед собой другую с листом бумаги, Андрей Спиридонович расхаживал по кабинету и диктовал, стараясь произносить слова чётко, по складам:

— «В Министерство сельского хозяйства Молдавии». Точка... Написали? Дальше: «Жалоба. Я, работник Атакской МТС...»

Заскрипели перья.

— «...как честный труженик не могу пройти мимо фактов, творящихся в нашей МТС. Дело в том, что в МТС очень низкая трудовая дисциплина. Исключительно бесхозяйственно поставлена охрана социалистической собственности... Увидя бездарность в руководстве...» — Директор запнулся и, понизив голос, закончил конец фразы: — «...со стороны директора Атакской МТС...»

Наступила пауза. Кто-то прыснул.

— Не нарушать дисциплину! Пишите дальше!

Чумак в раздумье походил по кабинету. На его широком лбу обозначились признаки глубокой мысли.

— Дьяченко!

— Здесь!

— Тебе как члену рабочкома приказываю: диктуй дальше.

Диспетчер взял из рук директора листок бумаги, бегло пробежал строчки, боязливо взглянул на Чумака и замялся:

— Тут, извиняюсь, Андрей Спиридонович, не совсем...

— Диктуй!

Дьяченко робко начал:

— «Директору Атакской МТС тов. Чумаку ничего не стоит обругать нецензурными словами кого бы то ни было. У нас бывает так, что он приезжает на усадьбу МТС пьяным, закрывается в своём кабинете и спит...»

— Хватит! — воскликнул возмущённо один из работников МТС. — Меня более серьёзные дела ждут! — И вышел, хлопнув дверью.

— Стой! Хватит! — повторил и оторопевший Чумак. — Диктант окончен. Ставьте подписи и бумажки сдайте мне. Точка.

И вот диктант окончен. Директор склонился над рукописями. Нет, не грамматические ошибки отыскивает в диктанте Чумак, и не красоты каллиграфии волнуют его. Более серьёзные поиски ведёт сейчас директор МТС. Недавно он побывал в Министерстве сельского хозяйства Молдавии. И там узнал о том, что кто-то из работников МТС написал на него жалобу. В министерстве решили: зачем посылать людей на расследование, если сам Чумак может расследовать?

Прочитав внимательно жалобу, Чумак обнаружил, что подпись под ней неразборчива.

«Землю переверну, — решил он, — но найду автора».

Тут-то и был придуман хитроумный план с диктантом.

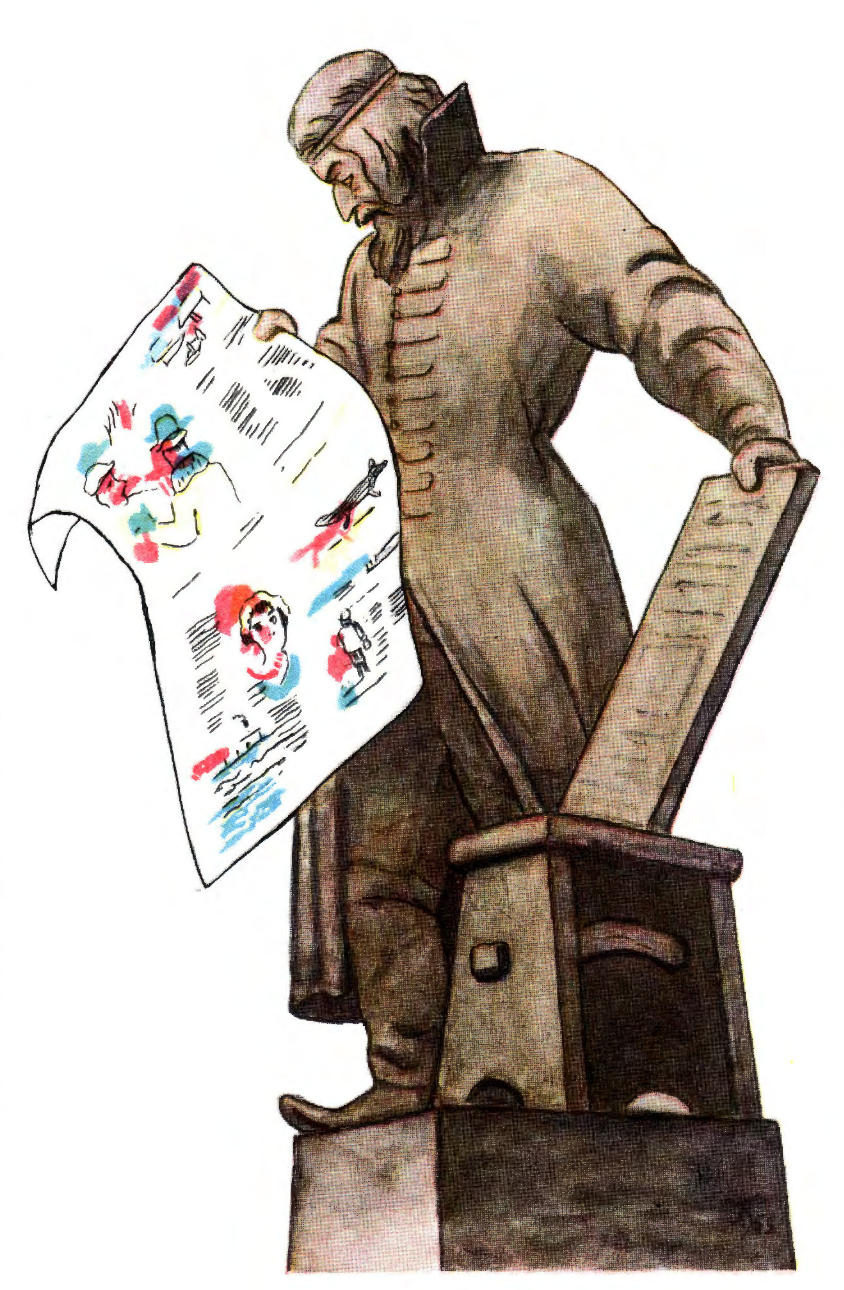
Автор жалобы так и не был обнаружен... А посему Чумак оставил её нерасследованной.

На наш взгляд, и расследовать нечего. И без того всё ясно. Портрет Чумака — ретивого борца с критикой — вряд ли нуждается в дополнительных штрихах и красках.

И. ГЕРАСИМОВ, Ф. ЧАЩИН

г. Кишинёв.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

ПЕРВОПЕЧАТНИК ИВАН ФЕДОРОВ: — Техника в этой типографии превосходная, но качество печати у меня было лучше...

В. КУКАНОВ

Хлопотливый день

Ох, и выдался денёк! Я, наверное, взорвусь от злости!

Утром вызвал меня начальник стройуправления и спрашивает с хитрецой:

— Тебе, товарищ прораб, нужны стройматериалы?

Я от радости чуть мимо стула не сел.

— Как же не нужны! Участок-то стоит. Давайте скорее!..

— Горяч парень! Сразу и давайте! Возьми-ка вот сначала заявку да поезжай на базу, выколачивай наши фонды.

Поймал на слове! Я было отбиваться:

— А снабженцы на что? Эти бездельники?!

— Снабженцы — кто в отпуске, кто болеет. Езжай, каждая минута дорога... Без материалов не возвращайся.

Куда денешься, поехал: не останавливать же стройку!

Ночью пронёсся буран, все дороги замело, машина буксовала, то и дело плечом подталкивали, еле-еле добрались. В контору базы я влетел вихрем и сразу — к двери с табличкой «Директор базы тов. Васёха». А меня сзади — цап за хлястик!

— Видали шустрого? Хотел с разлёту проскочить. Не пройдёт номер. В очередь!

В очередь так в очередь: закон требует порядка. Нашёл крайнего, огляделся. Конторка незавидная, вроде наших (мы, строители, всегда без помещений, как сапожники без сапог). Народ толпится, дым стоит коромыслом. Но, вижу, порядки свои. У нас строители приходят в контору требовать, а здесь в очереди — просители. Хозяйкой держится только секретарша, перекладывающая бумаги на столе с таким видом, точно она одна в комнате одушевлённый предмет.

«Эге, с часок придётся тут потолкаться»,— подумал я. Но на сороковой минуте понял, что расчёт мой оказался детски наивным. За это время к директору прошло всего два человека, а до меня ещё оставалось ожидающих с добрую строительную бригаду. Теперь каждая минута стала отнимать у меня по капле спокойствия. Меня будто поставили босиком на горячую сковороду да ещё заставили считать, сколько минут я простою на ней. Не успела секретарша произнести заветное «следующий», на этот раз обращённое ко мне, я уже был в кабинете. Три шага — и я перед директорским столом.

Товарищ Васёха не обратил на меня никакого внимания, будто в кабинет не восьмидесятикилограммовый детина в дублёном полушубке ворвался, а влетело лёгкое дуновение ветерка. Устремив мечтательный взгляд в стакан с чаем, хозяин, не спеша, выдавливал ложечкой сок из лимонного кружочка. У меня во рту выступила кислая слюнка, будто этот сок попал мне на язык. Как ни накалён я был долгим ожиданием, всё же не решился оторвать человека от его занятия: уж очень счастливая улыбка бродила у него на устах. Я постоял, переминаясь с ноги на ногу, но не дождался приглашения, сел напротив хозяина. Приятно было смотреть на его упитанное, румяное лицо, на его гладко зачёсанные, отливающие золотом волосы. Вот хозяин, далеко отставляя губы, отхлебнул с ложечки дымящегося чаю и наконец поднял голову.

— Ну-у? — любезно и певуче протянул он. — В чём дело?

Я разгладил заявку на колене и протянул её директору, но в этот момент зазвонил телефон, и рука моя повисла в воздухе.

Директор потянулся к трубке и промычал в неё весьма приветливое «Мда-мм!»

Мне пришлось собрать всё своё терпение. Что поделаешь, для телефона не установлено ни очередей, ни этикета, он вклинивается в любой разговор.

— Ну, что вам? Кого? — почти пропел директор надтреснутым тенорком. — Я за него! А-а! Живая душа на костылях! Опять к Капитонычу с челобитной? Это уж как водится! Без Капитоныча ни на шаг! Ты у меня спрашиваешь о здоровье? Эх-хе-хе! На ладан дышу! Что со мной? Вскрытие покажет!.. Детишки ничего, растут, резвятся. И жена тоже, то есть не резвится, но цветёт! Вот сегодня именинница! Да-а! Спасибо! А мне с моей работой о здоровье ли говорить! Тут железный организм заскрипит, не то что наши хлипкие телеса. Вы из меня соки тянете. Капитоныч, дай то, Капитоныч, снабди этим! Другой на моём месте рукой бы махнул, а я костьми готов лечь, лишь бы у вас, чертей полосатых, было всё, чего вашей душеньке угодно. А каково это достаётся Капитонычу? Знаете? Ничего вы не знаете! Вам вынь да положь! Ну, говори, говори сразу, что будешь клянчить. Наверное, пронюхали, что я сегодня добрый по случаю именин дражайшей половины? Цементу вам? И кровли? И стекла? Ай-яй-яй! У всех спрос только на дефицитные материалы! Ну где же Капитонычу набраться на вашу прорву? Что он, чародей? Что у него, база волшебная? Выдал тонну цемента, а на складе уже другая шевелится? Отпустил машину стекла, а на базе ничего не убавилось? Так вы думаете? Нет, вы скажите, так вы думаете? Увы и ах, всё имеет свой конец!.. Ну, ладно, так и быть, приезжайте, для вас поскребу по сусекам... Ребята-то вы хорошие, знаю, оцените мою доброту. Спасибо потом... Из спасиба, кстати сказать, шубы не сошьёшь... Хе-хе-хе! Ну, бывайте!..

Директор откинулся на спинку кресла и сложил руки на округлом животе. Глаза его излучали столько отеческой теплоты, что её хватило бы на всех наших строителей сразу. На лице его было написано удовлетворение, весь он истекал благодушием, точно копчёный осётр жиром.

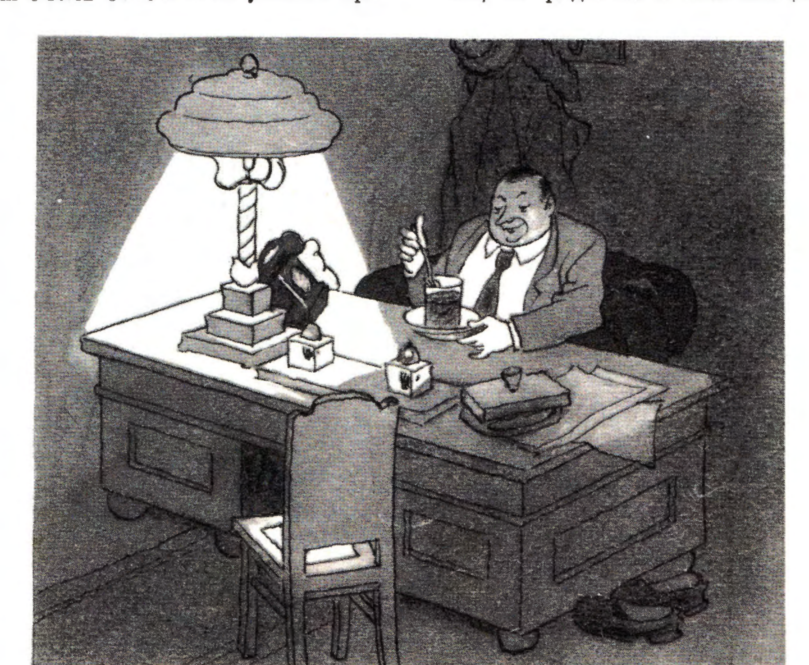
— Ведь вот беда моя,— заворковал он, глядя в окно,— душа у меня мягкая. Воск! Пластилин! Бери и лепи лошадок! Готов не только что с базы, с себя отдать последнее. И как тут разделишь: я — это база, база — это я?! Вот Капитоныч один, а вас много, но ведь всех жалко, всех хочется ублаготворить. Конечно, народ меня за это любит! Любит! Не хвалясь, скажу, и почёт и уважение вижу от людей. Понятно, и пользуются моей простотой, вьют из меня верёвки. Особенно под такой случай, как сегодня: жена — именинница... Очень, очень её уважаю. Необыкновенная женщина...

Я глянул на часы. Ба!.. Единственного директорского росчерка дожидаюсь уже четвёртый час. Этому царствию конца не будет! Больше у меня не нашлось терпения. Я положил заявку на стол и по-нашему, по-строительному, потребовал:

— Товарищ Васёха, утвердите, участки стоят...

Эх, не родился я снабженцем! Моментально я почувствовал, что после этих моих слов что-то изменилось. Бывает, в ясный осенний день надвинется на солнце туча, по ожившей было земле побежит густая тень, и сразу повеет осенним холодом. Нечто похожее происходило и тут. На лицо директора набежала тень. Он удивлённо заморгал, и, когда обратил на меня взор, его голубые глаза уже были холодными, точно две лужицы, подёрнутые ледком. «Ты не просишь, а требуешь?!» — прочёл я в этих глазах. До этого момента директор был на седьмом небе. Сознание собственной значимости и своего добросердечия разнежило его; фимиам, который курили ему клиенты, как бы распарил его. И вдруг я к его распаренной спине приложил холодную руку.

Какой я непредусмотрительный! Не мог уж как-нибудь поделикатней. Дослушал бы его песнопения «дражайшей половине» и обратился бы к нему по имени-отчеству. Как его называли? Капитоныч... Капитоныч... А имя? Хм! Кажется, на букву «ф». Фёдор? Филипп? Нет, не такое простое... Феоктист? Феофан? Фаддей? Фалалей? Тьфу, дьявол! Ещё подхалимничать перед ним!

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА.

— Прошу вас, утвердите!

— А-а-кхм! — не то вопросительно, не то угрожающе откашлялся товарищ Васёха и, продолжая полулежать в кресле, протянул руку к заявке: — Что у вас тут? Заявка? И, конечно, величиной с добрую простыню.

Я смотрел и глазам не верил: как минута могла изменить человека!

Где же тот благодушный, щедрый и словоохотливый Капитоныч, только что рассыпавший дары просителям? Кто его подменил? Я сидел перед неприступно-важной персоной, цедившей сквозь зубы:

— Ну, ясно, ясно, полный ассортимент: стекло, кровля, цемент, пиломатериалы...

Он нехотя придал своему корпусу вертикальное положение. Но не на радость мне! В руке его, усыпанной жёлтыми веснушками, оказался карандаш. Взмах — и жирная синяя черта перепоясала заявку по той строке, где значился цемент; второй взмах — вторая синяя черта похоронила под собой надежду на получение стекла. Он черкал и приговаривал:

— Ишь, чего захотели! (Чирк!) Расставляйте шире руки. (Чирк!) Слишком богато заживёте. (Чирк! Чирк! Чирк!)

Как я ни подскакивал на месте, как ни тянулся, чтобы удержать его безжалостную руку, заявка наша была мгновенно исполосована синими линиями не хуже матросской тельняшки. Я взмолился:

— Товарищ Васёха, вы лучше возьмите нож вместо этого карандаша и зарежьте меня... Как же я уйду от вас без материалов?

— Как сюда пришли, так и отсюда уйдёте,— невозмутимо процедил товарищ Васёха.

— Но ведь меня на стройучастках живьём съедят... У нас работа стала, план срывается...

— Ну, за ваш план моя голова не обязана болеть. У меня, слава богу, своих забот полон рот. Знаете, сколько у меня таких, как вы?..

— Да поймите...

— И понимать ничего не хочу. Нет материалов.

— Как же нет, вы только что кому-то обещали такие материалы...

— Это уж позвольте мне знать, кому и что я обещаю. На базе пока я хозяин. Я...

— Но ведь у нас наряды на эти материалы! — доказывал я.— На вашей базе — наши фонды...

— На моей базе, дорогой товарищ, мои фонды. А с нарядами вон очередь... Видели?.. Не задерживайте других...— Товарищ Васёха даже попытался встать, но, видимо, раздумал: жаль охлаждать нагретое местечко.

Меня не так-то легко было выставить за дверь ни с чем. Я принялся доказывать, требовать, потрясать документами.

— Поеду жаловаться вышестоящему начальству! — пригрозил я наконец.

— А езжай, милок, езжай! — невозмутимо отозвался он.— Начальство тебе сейчас досточек напилит, стёклышко из своего окна выставит для тебя...

Когда я совсем расшумелся, он взял заявку со стола и зловеще улыбнулся.

— Вам мало тех материалов, что я отпустил?.. Так-так! А не приписать ли сюда облицовочной плитки? Этак тысяч десяток, а?

Я похолодел:

— Вы шутите! Зачем нам облицовочная плитка, мы больше строим гаражи да свинарники...

— Замечательная плитка,— настаивал он.— На ней чудный орнамент — виноградные гроздья...

— Да свиньям, вы сами знаете, виноград ни к чему, им картошка больше по вкусу...

— А вы не равняйтесь на отсталые вкусы! — И он вписал в заявку плитку. Потом, прищурясь, посмотрел на меня, как бы оценивая мои физические возможности, и продолжал: — А что, если мы уделим вам ещё парочку кариатид? Знаете, завалялись на складе...

Я схватил со стола истерзанную заявку и выбежал за дверь.

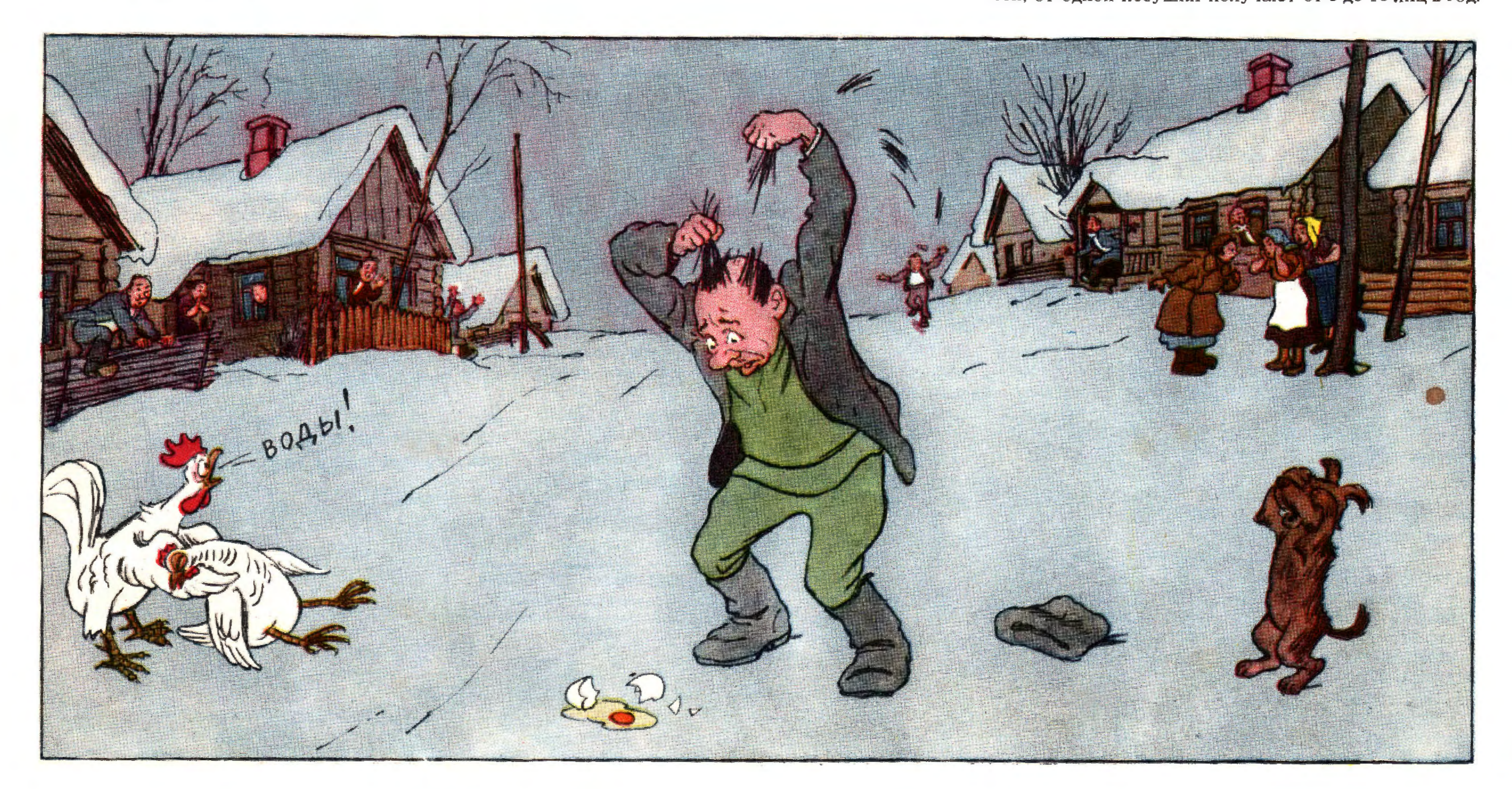
— Следующий, пройдите к Хрисанфу Капитонычу, — услышал я голос секретаря, уже выходя из приёмной.

«Хрисанф! Вот так угадал я: не начинается, а кончается на букву «ф» его имя! Ну и пусть! Пусть он семь раз Хрисанф, пусть у него ещё и тёща именинница, я не на именины приехал, у нас работа стоит. Еду к его начальству!»

И вот я трясусь в кабине рядом с шофёром. Меня раздирает злость: «Я — это база, база — это я»! Мы ещё посмотрим, правильная ли это формула. Не я буду, если не внесу в неё поправку. Без материалов не вернусь!..»

Рисунок А. БАЖЕНОВА

В колхозах Шкирятовского района, Тульской области, от одной несушки получают от 6 до 16 яиц в год.

— Беда! У Пеструшки двухмесячная продукция погибла!

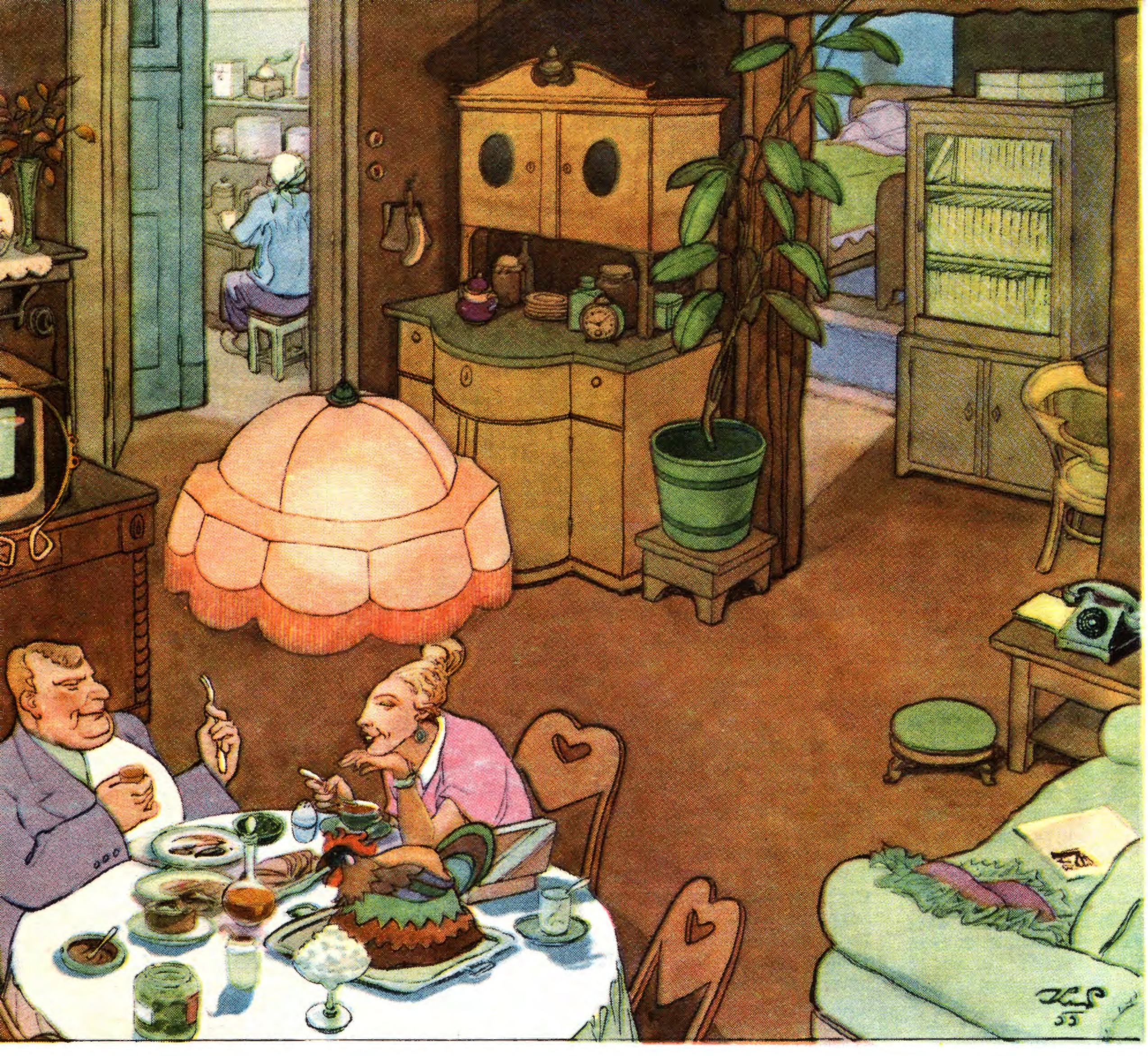

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

ПОЗАБОТИЛСЯ...

— Неудобно матери жить на кухне, придётся её отправить обратно к сестре в деревню.

НА АКАДЕМИЧЕСКИХ ХЛЕБАХ...

Биологом С. А. Аронов стал неожиданно для самого себя. Но это нисколько его не смутило. Мало ли чего с человеком не приключается! С таким же успехом он мог бы стать математиком, аэронавтом или же тренером хоккейной команды.

— Как же это получилось? — допытывались друзья.— У тебя и высшего образования-то нет.

— Талант не нуждается в дипломах,— говорил Аронов.— Эдиссон не имел диплома, а выдумал граммофон.

— Но ты биологией никогда не интересовался!

— Тайны естества познаются не только в стенах университетов,— высокопарно и загадочно ответствовал Аронов и извлёк приказ, подписанный заместителем председателя президиума Казанского филиала Академии наук СССР профессором Л. М. Миропольским.

Приказ этот гласил, что С. А. Аронов назначается заместителем директора по научной части Биологического института филиала.

Прошло около года, и Аронов как-то сказал друзьям:

— Я уже больше не работаю в филиале.

— Это почему же?

— Решил проверить в спокойной обстановке некоторые свои научные концепции... Чтобы не бросать на произвол судьбы коллег, пришлось дать им в помощь свою жену:

— Жену?! — удивились друзья.— Какое она имеет отношение к биологии? Ты шутишь!

Но он не шутил. Однажды супруга Аронова, дожаривая на кухне котлеты, сказала своим соседкам:

— С готовкой кончено! Перехожу на научную работу.

— Ну какой из вас научный работник? — заулыбались соседки.— Кто вас возьмёт на такую работу?

— Академия!— отрезала Аронова.— Просят меня в академию, просто мочи нет!

И как бы в подтверждение её слов раздался звонок из Казанского филиала Академии наук. Звонил заведующий отделом кадров Х. Г. Дерганов.

— Мы решили пригласить вас на работу,— сказал Дерганов.— Разрешите взять у вас некоторые анкетные данные. Какое у вас образование?

— Почти среднее.

— С биологической наукой связь имеете?

— Непосредственную, я донор.

— Занимаемая сейчас должность?

— Домохозяйка.

— Опыт руководящей работы имеете?

— О, да! Я много лет была ответственной съёмщицей!

Через некоторое время торжествующая Аронова показывала соседкам приказ, из которого явствовало, что она вместо мужа назначается заместителем директора по научной части Биологического института.

Прошёл год, и Аронова сказала своим соседкам:

— Работа с казанскими биологами меня внутренне не удовлетворяет. Возвращаюсь назад к котлетам...

На этот раз она продемонстрировала приказ о своём увольнении.

Но Казанский филиал Академии наук и месяца не мог прожить без супругов Ароновых. Едва Аронова-жена вернулась к плите, как её место занял муж.

Теперь это не удивило даже хорошо знавших его людей. Начиная с 1947 года наш учёный неоднократно увольнялся и принимался на работу в филиал. Видно, начальство и впрямь было от него без ума, хотя Аронов безвыездно жил в Москве и никогда не наведывался в Казань.

Такая заочная любовь омрачалась лишь внезапными увольнениями Аронова. Случалось это обычно после очередной ревизии. Суровые ревизоры легко обнаруживали, что вся многотрудная деятельность заместителя директора по научной части сводится лишь к отгрузке разных предметов, необходимых институтскому хозяйству. Проще говоря, биологом Аронов числился лишь на бумаге. Он был самым обыкновенным толкачом. Он «толкал» из Москвы в Казань стекло, линолеум, гвозди и многое другое. Кроме того, он хорошо привечал в Москве гостей из Казани. Сей «биолог» заблаговременно заказывал им удобные номера в гостиницах и встречал начальство на аэродроме.

Стоит ли говорить, что начальство с неукротимой энергией боролось за такого незаменимого научного работника! Предложение уволить Аронова встречалось такими воплями, таким бумажным шквалом, что даже видавших виды ревизоров из Министерства финансов бросало в дрожь. В этой тяжкой борьбе руководители филиала, как правило, оказывались победителями. Аронова увольняли, но немедленно же восстанавливали.

Сейчас Аронов занимает должность референта-консультанта.

Когда его спрашивают о работе, он, разумеется, ничего не говорит о гвоздях. Он делает утомлённое лицо и устало жалуется:

— Заездили меня казанские биологи. Круглые сутки требуют консультации. Приходится давать, ничего не попишешь. Не есть же даром академический хлеб...

М. БУРЕНКОВ

г. Казань.

Борис КОТЛЯРОВ

Просто так

Был я в Н-ском учрежденье
И случайно средь скопленья
Папок, скрепок, счётных книг
Видел список на зарплату.
Там в конце, согласно штату:
Возчик,
Грузчик,
Истопник.

Рядом подписи косые,
Чётко каждая видна.
Это значит: трудовые
Деньги выданы сполна.

И хоть почерк сверхбеспечный,
Разобрать его легко:
Подписались ручкой вечной
Лойко,
Бойко,
Махонько.

И в смятенье, в изумленье
Оглядел я учрежденье.
«Что ж тут, — думаю, — грузить?
Что ж тут, — думаю, — возить?»
Учрежденье небольшое,
Отопленье паровое
И на целый дом сквозное.
«Что ж тут, — думаю, — топить?»

Я директора заметил
И спешу с вопросом этим,
Но директор поднял крик:
«Груз велик!.. Суровы зимы!..
В общем, мне необходимы
Возчик, грузчик, истопник!»

Рядом комната-светлица
Расположена была.
В ней сидели три девицы,
Занимая три стола.

Три девицы за работой
И как будто пишут что-то,
Но бумажные листы
Перед ними все пусты.

Я спросил девиц: «Простите,
Помогите, подскажите,
Где тут, близко ль, далеко́,
Лойко, Бойко, Махонько?»

Вот одна из них зевнула,
На меня потом взглянула,
Улыбнулась вяло: «Хмы!»
И сказала: «Это мы!»

У неё причёска бойко
Взбита в стиле рококо...
«Бойко — я, а это — Лойко,
А вот это — Махонько!»

Посмотрел я на девиц:
Ни лопат, ни рукавиц.

И сказал не очень смело:
Дескать, видеть не привык,
Чтоб сидели так, без дела,
Возчик, грузчик, истопник.

Все три штатных единицы,
Три сверхштатные девицы,
Отвечают: «Вот чудак!
Это ж в списке, просто так!»

г. Харьков.

СЕГОДНЯ В КИНОТЕАТРАХ

Рисунок И. СЕМЁНОВА.

Бакинская, Ашхабадская и Рижская киностудии в 1954 году не выпустили ни одного полнометражного художественного фильма.

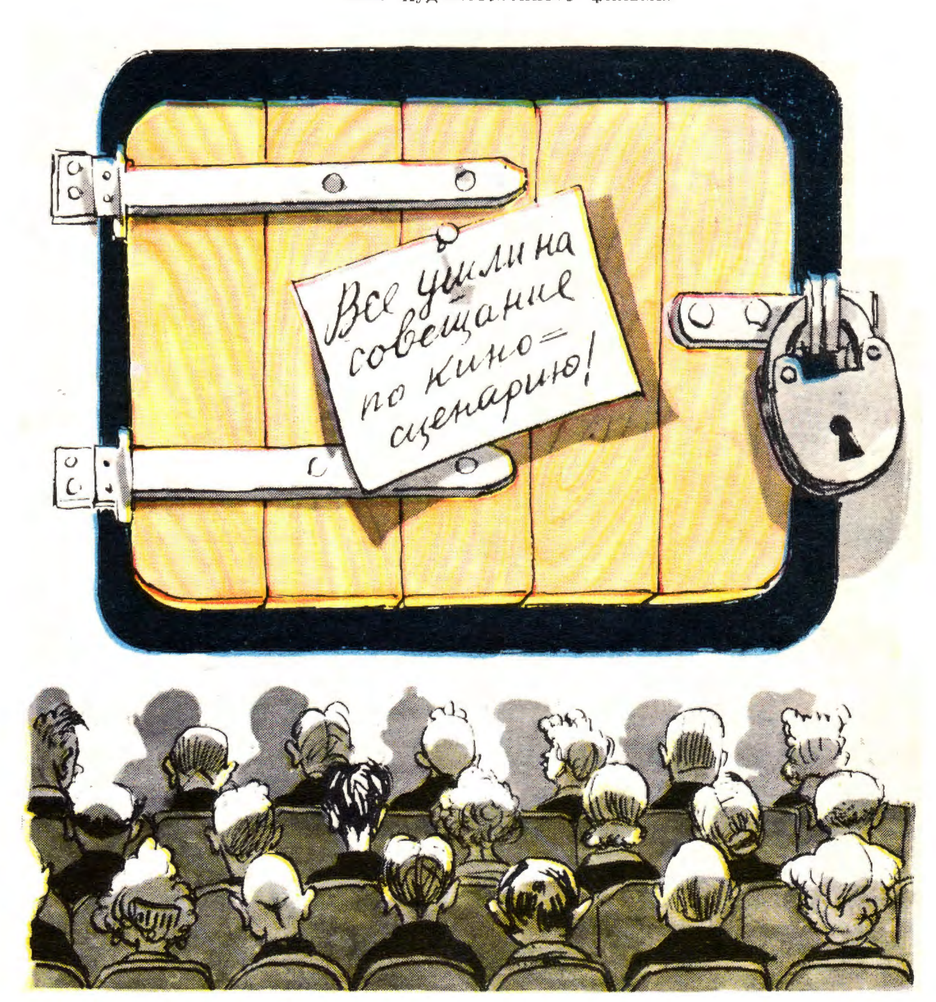

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Ваше предложение будет давать ежегодно 250 тысяч рублей экономии.
— Значит, миллион уже потерян: я ведь к вам четыре года хожу.

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

ГРАЧ: — Слышишь, они говорят, что весна ещё далеко...

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ПООЩРЕНИЕ «ЗА ДОПУЩЕНИЕ»

Лица, подписывающие приказы, обычно соблюдают точность в выражении мыслей. Ежели в приказе выносится выговор, то конкретно указывается, за что именно выговор. Ежели — поощрение, то и тут желательна логичная мотивировка.

Бывают, однако, отступления от этого строгого правила.

В доказательство приведём такое патетическое вступление из приказа № 30 от 18 января 1955 года по Алтайскому краевому управлению сельского хозяйства:

«За допущение в обслуживаемых колхозах в течение первого полугодия 1954 года заразных заболеваний сельскохозяйственных животных (бруцеллёз... чесотка, ящур...) и во исполнение приказа по Министерству сельского хозяйства СССР от 24 мая 1954 года № 164 приказываю выдать премии...»

Следует перечень ветфельдшеров, ветсанитаров, и в том числе старшего ветврача, и директоров МТС, премированных за это самое «допущение».

Но уж если за такие действия премируют в Алтайском крайуправлении сельского хозяйства, то какой же премии достоин сам начальник управления тов. Л. Флорентьев «за допущение» словесной неразберихи и «за недопущение» в приказ логического смысла?

«ДО КАЖДОЙ КОРОВЫ»

В колхоз имени Ленина, Уксянского района, Курганской области, из Верхне-Теченской МТС пришло предписание, устанавливающее месячный план надоя молока в размере 103 центнеров.

Что ж, задание как задание, ничего необычного в нём нет. Любопытно другое: как и. о. директора МТС тов. Мартюшев мыслит себе его выполнение. В подписанном тов. Мартюшевым документе говорится: **«Данное задание доведите до каждой доярки и до каждой дойной коровы».**

Конечно, от дойной коровы можно требовать многого. Но рассчитывать на то, что она будет сознательно выполнять директорские приказы,— это уж слишком!

КОЗЁЛ в ОГОРОДЕ

Образ пастуха всегда пленял воображение мастеров слова. Сколько вдохновенных строк посвятили ему поэты-лирики! Какие чудные песни звенели о нём за деревенской околицей!

Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает...

Слагая эту песню, поэт имел в виду не лукояновского пастуха Михаила Ефимовича Данилова. Лукояновский пастух на лужок не выходит, во рожок не играет, но «выговаривает» многое.

...Было это аккурат на масленицу. Председатель Больше-Печёрского колхоза «Новый мир» Николай Александрович Грачёв только что вернулся из гостей. Он сел на скамью, опрокинул перед собой табуретку, сунул ногу под перекладинку и начал стаскивать сапоги. Табуретка елозит по полу, громыхает, а сапог будто сросся с ногою — ни туда, ни сюда. Вот тут и подоспел лукояновский пастух Данилов. Он вошёл в избу, как старый знакомый, — без стука, с широкой улыбкой. Одет Данилов был в дублёный романовский полушубок, на ногах белые катанки, на голове пушистый пыжиковый треух.

— Наше вам, Николай Александрович! — сказал вошедший, кланяясь.— Я, кажется, во-время явился на помощь?!

— Этт-о в ка-ком же смысле? — удивился подвыпивший Грачёв, глядя на незнакомца.

— Да вы что, не узнали меня?! — наступал гость. — В сорок девятом годе я заготовлял кишки у вас. После служил культурником в Мотовилихе. Затем лом собирал в Уразовке, а теперь в пастухи решил податься. Люблю лоно природы!

Хозяин пялил глаза на гостя и никак не мог припомнить, где он встречал этого человека. А тот уже расстёгивал полушубок, вынимая из карманов какие-то заманчивые свёртки. При виде блеснувшей бутылки у Грачёва даже хмель прошёл.

— Вспомнил, дорогуша, вспомнил! — закричал он торжественным голосом.— Не вы на базаре пивным ларьком верховодили?

— Кому ж ещё верховодить, как не мне! — рассмеялся гость.— Но сейчас не о том речь. Ведь худо у тебя с пастухами, говорю?

— Да уж хуже некуда,— с грустью сознался председатель. — В прошлом годе колхозники по очереди пасли.

— То-то и оно! — подытожил гость.— За этим и пришёл к тебе, чтоб помочь. Хороший ты малый!

Прежде чем откупорить бутылку и нарезать сала, хозяин и гость сочинили обоюдный двусторонний договор. Данилов обязался стеречь колхозный скот, а Грачёв — выплатить пастуху 575 пудов хлеба, 20 кубометров соломы и 3 центнера сена.

— Одного не понимаю я, Михаил Ефимович,— заметил председатель колхоза,— как ты справишься с тремя стадами? У нас только крупный рогатый скот, есть и овцы, свиньи...

— Не беспокойся, дорогой Николай Александрович! — сказал лукояновский пастух.— Я берусь вроде подрядчика, прораба, так сказать. А помощников нанимать предоставьте право мне самому. Давайте учтём это в договоре.

Учли.

...Пришла весна. Над речкой черёмуха благоухает. Лукояновский подрядчик сидит у омута и ловит окуней. К полудню рыба перестаёт клевать, жизнь в реке словно замирает. Михаил Ефимович разводит костёр и, наевшись дымящейся ухи, засыпает богатырским сном.

К молочному стаду он пристроил некоего Ивана Ивановича, «ссудив» ему 130 пудов хлеба из «выговоренных» ранее 575 пудов. Василия Дементьева подрядил пасти овец за 100 пудов. Двум подпаскам — Мишутке Лапину и Андрейке Белову — за присмотр над свиньями подарил по 25 пудов ржи. И себе Михаил Ефимович «за общее руководство» выделил толику — около 300 пудов хлеба, скирду соломы да возок лугового сена. Возвращаясь из леса или с рыбалки, он иногда заглядывал к пастухам и подпаскам.

— Ну, как, орлы, пасёте?

— Пасём! — хором отвечали те.

— А что-то пшеница примята?

— Вчера уснули малость, скот и того...

— Председатель бранился?

— Где ему! Он и на поле не бывает!

— Счастье ваше... Ну, пока, до скорого свидания. Адью!

Колхозники возмущались, наступая на председателя:

— Для чего нанял прохвоста? Почему не спросил нашего согласия? У соседей коровы по ведру молока дают, а у нас по стакану!.. С наших лугов миллионы можно брать, а мы только знаем — убытки терпим. Там потрава, тут потрава...

В такие критические минуты председатель молча тёр ладонью подбородок и выжидал, когда наступит затишье. Тогда он начинал каким-то скрипучим голосом:

— И чего раскудахтались? Будто один я нанимаю! В «Красном партизане» какие пастухи? Наёмные! А в «Обороне страны», а в «Красном металлисте», а в «Культуре», а в «Победе пахаря»?! Не один я в Арзамасской области выискался таковский. Поди, сколько их в Сергачском, Мордовщиковском, Первомайском, Ардатовском, Чернухинском районах, да и в нашем, Смирновском. Поняли? В ваших же интересах делаю, облагораживаю вас, от пастушества избавляю...

— Иди расскажи эту байку своему дружку Евсею, а нам очки не втирай! У добрых соседей скот пасут самые лучшие колхозники, а ты нанимаешь каких-то пройдох на стороне...

...Метко назвали колхозники «Нового мира» своего председателя Николая Грачёва — «козёл в огороде». А может быть, арзамасские руководители о нём и ему подобных председателях иного мнения?

Н. ВОРОБЬЕВ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Ату его! Мы ему покажем, как травить озимые!

Встреча в Осло

Фары выпучив, с осанкой гордой
По дорогам узким мчатся «форды».
«Ягуары», «доджи» и «линкольны»
В блеске лака щеголяют здесь.
До того они самодовольны,
Словно в баках не бензин, а спесь.
Как шофёр-любитель и болельщик,
На модели новые гляжу
И о том, как лакировка блещет,
Непременно дома расскажу.
Хороши у них автомобили.
Пусть попроще наши, без затей,
Только мы их крепко полюбили,
Как родители своих детей.
Недохватки, трудности, невзгоды
Нас терзали...
Но вставали в строй
Наши юные автозаводы
В первой пятилетке и второй.
А потом июньской робкой ранью
Над цехами бомбы взвыли вдруг.
Ну-ка, прекрати воспоминанья!
Жизнь идёт —
Смелей смотри вокруг.
Встрепенулся я. И что же вижу:
Мне навстречу мчится «Москвичок».
Не виденье ль? Нет, он ближе, ближе,
Поровнялись. Здравствуй, землячок!
Ишь, какой фонарь пристроил сбоку
На тебя норвежский господин!
Ты живёшь от Родины далёко,
Но в краях далёких — не один:
Вот ещё близнец твой следом мчится.
За рулём второго близнеца,
Как свеча бела, сидит девица
С хитрою причёской сорванца.
Милый друг «Москвич»!
С тобою встречу
Непременно в памяти отмечу,
Будет дома рассказать о чём.
Перво-наперво, когда приеду,
Расскажу про встречу с «Москвичом»
И ещё,
Что видел здесь «Победу».
Никаких я каламбуров не готовлю:
И «Победа» и «Москвич» — лишь имена.
Хорошо, что внешняя торговля
Служит миру в наши времена.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Б. Пророков

Иллюстрации к стихотворению
В. Маяковского «Сифилис».

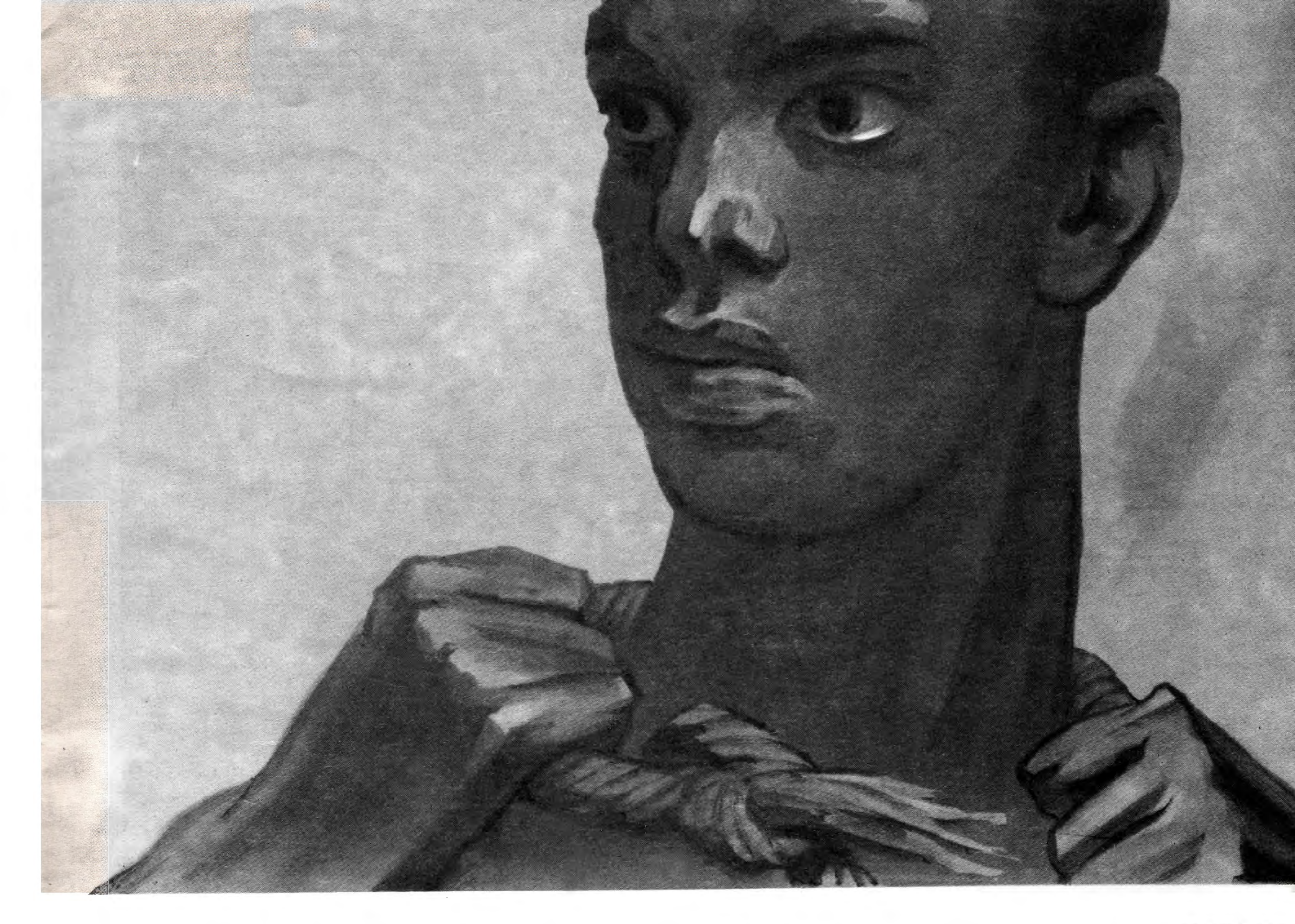
ПРОЛОГ

ЖЕНА ТОМА

Пока
по работам
Том болтается,
— у Кубы
губа не дура —
жену его
прогнали с плантаций
за неотработку
натурой.
Луна
в океан
накидала монет,
хоть сбросься,
вбежав на насыпь!
Недели
ни хлеба,
ни мяса нет,
Недели —
одни ананасы.
...Не заработать ей
и не скрасть.
Везде
полисмены под зонтиком.

СВИНОЙ КОРОЛЬ СВИФТ

Он тыкал
доллары
в руку, в лицо
в голодные месяца.
Схватились —
желудок
пустой давно
и верности тяжеловес.
Она
решила отчётливо:
«No!», —
и глухо сказала:
«Yes!»

ЭПИЛОГ

НИЩЕТА

...и кто-то
у тел
половину отнял
и вытянул руки
для милостыни.

Рисунок Ю. ГАНФА.

Стремясь захватить в свои руки контроль над южновьетнамской армией и сделать её «боеспособной», американские агрессоры посылают в Индо-Китай сотни военных советников.

Смотр баодаевской вооружённой силы.

К ВОПРОСУ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ

АНГЛИЙСКИЕ ТРУЩОБЫ

— Возьми-ка вёдра, Дженни, и сбегай на улицу за водой. Не нравится мне что-то этот водопровод. А я пока постелю на полу. Здесь вот, в уголке. На полу да все вместе — как-то оно уютнее, чем на кровати. Вообще я тебе скажу, доченька, зря мы перебрались из нашей развалины в этот новенький дом. Там ведь красиво было: кругом лужи, тряпьё на верёвках сушится, битый кирпич, грязь... Эх, да что говорить! А воздух какой у нас был! Всегда свежий: дуло, слава господи, и из-под пола, сквозь стены и потолок. Звёзды через крышу видно. Благодать! И вся семья рядышком — не ищи, не кричи. А здесь что? Отдельная квартира. Эх, отделаться бы от неё как-нибудь!..

Что это? Шутка? Отнюдь нет. Просто это иллюстрация к письму, не столь давно помещённому английской газетой «Манчестер гардиан». «Мне кажется,— пишет автор письма,— что существует тенденция преувеличивать преимущества хороших жилищных условий... Пока многие семьи сохраняют привычки жителей трущоб, они будут жить по-старому и после переселения».

Впрочем, самый факт помещения газетой такого письма не вызывает особого удивления. Ведь с некоторых пор «либеральная» газета «Манчестер гардиан» стала восхвалять не только преимущества трущоб перед хорошими жилищами, но и преимущества атомной войны перед мирной жизнью.

Перефразируя это письмо, англичане могут смело сказать: «Пока домовладельцы с благословения властей и печати сохраняют привычку получать от своих трущоб доходы, они будут всячески противиться разрешению жилищного кризиса в Англии».

АМЕРИКАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Всё произошло, как об этом сообщила венская печать, очень просто. Сержант американской оккупационной армии в Австрии Джеймс Моррис катался на машине по улицам Вены. Он уже задавил двух кошек, забрызгал грязью добрую дюжину прохожих, обругал полицейского, любезно отдавшего ему честь, и теперь заскучал. «Что бы ещё такое весёленькое придумать?» — мрачно пробормотал он и в этот момент заметил впереди на тротуаре толстого австрийца, читавшего газету.

— Ишь ты, учёный! Читает...— засмеялся Моррис, нажал на акселератор и въехал на тротуар. Народу было много, и прежде, чем сержант сшиб машиной австрийца с газетой, ему пришлось переехать ещё четверых прохожих.

«Всё-таки австрийцы — неплохой народец! — подумал он, когда быстро собравшаяся толпа выволакивала его из машины.— Понимают шутку! Сейчас меня будут качать...»

Полиция прибыла как раз во-время, чтобы отбить сержанта у толпы.

— Господа, господа! — увещевал венцев господин Петерлунгер, шеф государственной полиции, лично руководивший операцией.— Разве вы не видите, что человек пошутил?

Когда толпу удалось рассеять, отправить пострадавших в больницу и увезти перепуганного сержанта, шеф приказал стоявшему рядом дворнику:

— Убери-ка здесь, любезный, чтоб не было никаких следов.

Дворник вздохнул и поднял обрывки газеты.

«Бесчинства американских солдат,— медленно прочёл он,— не могут умалить преимущества американской оккупации... США являются надёжным защитником свободы Австрии».

То была проамериканская газета «Зальцбургер нахрихтен».

Г. ЮРЬЕВ

АТОМНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

— Господа, кто из вас посмелее? Ущипните, пожалуйста, Уильяма Буллита. Уж не бредит ли он? Послушайте, как этот небезызвестный американский дипломат представляет себе будущее человечества; послушайте, что сулит миру герой его книги «О великом земном шаре» генерал Бешуар, взирая на будущее из-под козырька своей форменной фуражки.

...Итак, слышим мы, род людской уничтожен атомными бомбами. В живых остались только два лётчика, свирепо гоняющихся друг за другом вокруг земного шара на ракетных самолётах. И эти «последние из могикан» не кончили миром. Их первоклассные самолёты один за другим рухнули где-то в Африке, к подножию пальмы, на которой сидел дряхлеющий шимпанзе вместе со своей благоверной. Будучи свидетелем столь печального конца обезумевшего человечества, шимпанзе меланхолически повернулся к своей досточтимой супруге и, пожав плечами, многозначительно сказал (видимо, на английском языке):

— Ну вот, мать, теперь нам снова придётся начинать всё сначала...

Так печально кончается этот вольный экскурс в грядущее, предпринятый мистером Буллитом.

Вообще надо сказать, что к обезьянам в американских политических джунглях последнее время особенно благоволят. Чем же вызвано такое трогательное внимание некоторых ответственных деятелей США к их, прямо скажем, очень дальним родственникам?

Оказывается, древние человекообразные играют немалую роль в теоретическом обосновании политики гонки атомного и водородного вооружения. Проамерикански мыслящий английский писатель Олдос Хаксли в своём философском романе «Обезьяна и сущность», лично разобравшись в истории вопроса, уверяет читателей, что причина «неизбежной» грядущей атомной катастрофы кроется, видите ли, в порочной «обезьяньей» сущности человека как такового, в присущем ему «инстинкте разрушения и взаимоистребления».

Неспроста медные трубы архангелов империализма трубят о «конце света». В животном страхе за судьбу одряхлевшего, впадающего в старческий маразм капиталистического мира они пытаются запугать обывателя «страшным судом» и, благословясь, переливают налоги в адские бомбы.

Атомный бизнес — родной брат атомной политики. «Захватывающее зрелище! — кричит бродвейская кинореклама.— Небывалая катастрофа! Спешите видеть подлинную картину уничтожения Нью-Йорка! От страха вы потеряете штаны!» Бомба преподносится и как панацея от всех бед. В фильме Арча Оболера «Пятеро» доказывается, например, что в результате мировой атомной бойни должны быть автоматически разрешены все доселе бывшие неразрешимыми проблемы капитализма.

Адвокаты политики силы пытаются сейчас доказать, что мир, как раковая опухоль, нуждается в лечении атомной радиацией. Америку треплет урановая лихорадка. В поисках радиоактивных руд по Штатам колесят старатели. От снегов Аляски до равнин Нью-Мексико вырастают заявочные столбы бизнесменов, вооружённых портативными счётчиками Гейгера. Они готовы застолбовать даже памятник Джорджу Вашингтону, так как и в нём обнаружено несколько фунтов урана.

Математическая мысль атомщиков бьётся теперь над решением уравнения о степени экономического эффекта оружия массового уничтожения.

Покойный сенатор Брайан Макмагон, которого соотечественники почтительно именовали «господином атомом из Капитолия», уходя в потусторонний мир, завещал, что ядерное оружие должно стать «нашим самым лучшим и самым дешёвым» оружием. Следуя завету печальной памяти сенатора, полковник запаса военно-воздушных сил США Легхорн сумел подсчитать, что «убийство городского населения ядерным оружием стоит невероятно дёшево, уничтожение одного человека встанет всего лишь в несколько долларов». Справедливости ради следует указать, что в данном пункте полковник вступает в противоречие с квалифицированными атомщиками-экономистами, которые авторитетно заявляют, что, принимая во внимание «повышенный коэффициент полезного действия атомной бомбы», убийство одного человека обойдётся не в несколько, а всего в один доллар. Дешёвка!

Атомная бухгалтерия Уолл-стрита, подсчитав, почём сейчас пушечное мясо на международном рынке, нашла, что американцы — в этом смысле наиболее дорогостоящий товар и что бог войны Марс гораздо лучше переваривает европейцев, не говоря уже о «низших расах». Вот почему, по умозаключению шведской газеты «Моргонтиднинген», США так торопятся с воскрешением вермахта. По сообщению газеты, как только американский конгресс сообразил, что «европейский солдат обойдётся почти в восемь раз дешевле американского», он, конечно же, просто не смог отказаться от «столь выгодного дела». Заставить немцев таскать каштаны из огня — это ли не заманчивая перспектива?

Но в наше время немцы лучше заокеанских мясников знают, почём фунт лиха, и им совсем не улыбается перспектива погибнуть за дивиденды уолл-стритовцев.

Опьянённые атомно-водородным угаром, сторонники политики силы продолжают играть с огнём. Они забывают, в каком веке живут. Народы мира располагают всем необходимым, чтобы не позволить кучке маньяков превратить цивилизацию в обезьянник!

Н. ЗЕМСКОВ

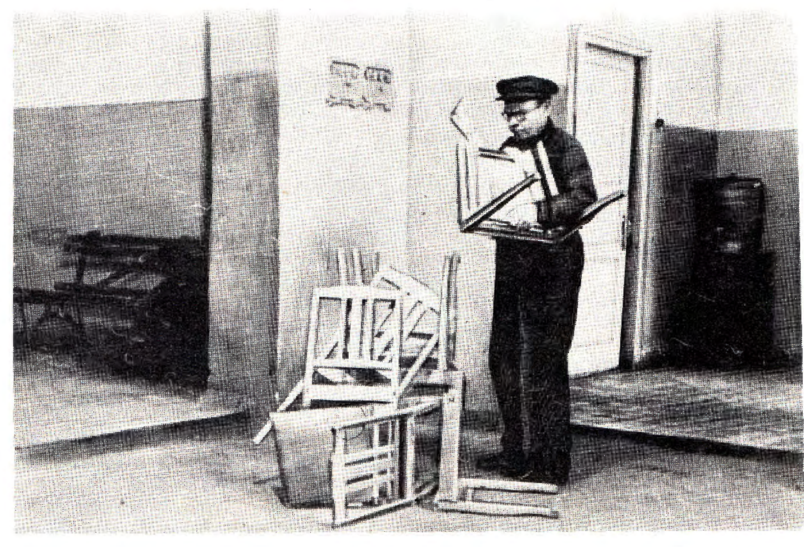
Рисунок Цзян Фаня из китайского сатирического журнала «Маньхуа».

Под американо-чанкайшистским бумажным парусом.

фото-витрина

ДОРОГИЕ ОСТАНКИ

— А я знаю, что это такое! — сказал один начитанный товарищ, увидев прилагаемый фотоснимок.— Это иллюстрация к роману Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев»: конкурент Остапа Бендера ломает очередной стул знаменитого мастера Гамбса, надеясь обнаружить спрятанные драгоценности мадам Петуховой.

Но начитанный товарищ ошибся. На фотоснимке изображён не персонаж упомянутого романа, а вполне реальное лицо — комендант школы ФЗО № 11 в городе Людинове, Калужской области. И стулья, которые мы здесь видим, сработаны не мастером Гамбсом, а Витебской мебельной фабрикой Главлегпрома.

Когда школа приобрела партию этих стульев, все были очень довольны.

— Смотрите, какая симпатичная мебель,—говорили хозяйственники. — Чистенькая, аккуратненькая, глаз радует такая отделка!

В тот же день в школе происходило собрание, посвящённое важным вопросам педагогического процесса. И были восклицания с мест, которые не фиксировались в протоколе. Сопровождаемые странным треском, они выражали испуг и глубочайшее изумление. Это разваливались под участниками собрания новенькие стулья.

Теперь мы можем окончательно уточнить, что делает на фотоснимке комендант школы. Он сжимает в объятиях дорогие останки и, видя на них рядом с фабричной маркой гордую надпись «1-й сорт», поражается беспардонности витебских бракоделов.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Вы скоро?
— А куда спешить? Надо мною не каплет.

БАЛАНС И ЁЛКИ

Прошли новогодние торжества. Давно съедены праздничные пироги, осыпалась хвоя ёлок, но тёплые воспоминания о новогодних вечерах остались ещё в памяти людей.

На славу встретил Новый год начальник Ташкентского областного управления «Узглавсельснаба» Н. И. Фёдоров. В канун праздника он звонил по телефону друзьям и знакомым, радостно сообщая:

— Можешь приходить за ёлочкой... Прибыли! Тридцать пять штучек. В отдельном вагоне ехали, с комфортом!.. Ну, ну, какие там благодарности! Свои люди...

Знакомые были в восторге, и это радовало доброе сердце тов. Фёдорова.

Однако тёплые воспоминания о ёлках остались не только в памяти, но и на бумаге. Вслед за вагоном с зелёными путешественницами с их родины — станции Мингатуй Восточно-Сибирской железной дороги — прибыл счёт. В нём было сказано коротко: «Предмет счёта—новогодние ёлки, количество — 35, цена — 140 руб.».

И графой ниже: «Железнодорожный тариф — 5 827 руб.».

Подводя общий итог в пять тысяч девятьсот шестьдесят семь рублей, бухгалтер «Узглавсельснаба» с грустью думает:

«Конечно, хорошее настроение тов. Фёдорова и благорасположение к нему друзей стоят и большего, но по какой статье баланса оплачивать это расположение?»

ПЕРЕВОСПИТАЛ...

Денно и нощно печётся директор Чуварлейско-Майданской МТС (Арзамасская область) тов. Надуев о подведомственной ему МТС. Зорко следит за тем, чтобы не нарушалась в ней трудовая дисциплина.

Поэтому, как только ему сообщили, что шофёры А. Малов и И. Дрешин систематически пьянствуют на работе, он вознегодовал:

— Как? Нарушать дисциплину? Немедленно наказать!

И действительно, не откладывая дела в долгий ящик, он издал приказ № 299:

«Несмотря на неоднократное предупреждение с моей стороны о вождении автомашины в пьяном виде... шофёр Малов А. И. и Дрешин И. Ф. вели автомашины в пьяном виде и остановились в Ардатове у чайной для продолжения пьянки. Исходя из этого приказываю: за систематическую пьянку за рулём шофёров Малова А. И. и Дрешина И. Ф. от работы освободить...

Директор МТС Надуев».

Совсем закрутился тов. Надуев на работе. Не успел оглянуться, как прошёл целый месяц. Надо было использовать государственные деньги на премирование работников МТС. И на свет появился другой приказ, № 323:

«Выплатить премиальное вознаграждение за безаварийную работу автомашин шофёрам Малову А. И., Дрешину И. Ф....

Директор МТС Надуев».

Ну как шофёрам Малову и Дрешину не выпить за здоровье такого начальника!

ЗАНЯТНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

В Палласовском районе, Сталинградской области, пока ещё нет телевизионных установок. Однако это обстоятельство ничуть не помешало палласовцам просмотреть недавно любопытный спектакль, разыгранный солидными сталинградскими организациями.

Спектакль открывался торжественной речью начальника отдела искусств Сталинградского управления культуры тов. Герасимова:

— Я собрал вас, товарищи, чтобы сообщить приятную весть: к нам едут столичные мастера искусств. Они посетят и самый отдалённый район нашей области, где в минувшем году поднято и вспахано шестьдесят пять тысяч гектаров целинных земель — Палласовский район.

Затем после небольшой паузы пламенную речь произнёс заместитель председателя исполкома облсовета тов. Меринов:

— Культура пошла в массы! Встречайте её по достоинству! Окажите содействие мастерам искусств, разместите их, предоставьте транспорт. Обеспечьте массовое посещение концертов зрителями.

Второе действие происходило в Палласовке. Районная газета печатает информацию о предстоящих гастролях. У расклеенных афиш толпится народ. Зрители осаждают кассу, требуют билетов. В районный отдел культуры поступают многочисленные заявки. В совхозе «Революционный путь» прибрали клуб, подготовили для артистов комнаты, оповестили рабочих...

Последнее и заключительное действие происходило в исполкоме облсовета. Тов. Меринов произносит речь:

— Я собрал вас, товарищи, чтобы сообщить неприятную весть. Концерты в Палласовском районе сорваны. Кто виноват? Артисты? Нет, они прибыли к нам, в Сталинград, во-время и охотно ездили по нашему маршруту. Говорят, им не дали машины... Но ведь в Палласовку можно было добраться и поездом. Кто же виноват, я спрашиваю, что так плохо организовали гастроли московских артистов?

Начальник областного управления культуры тов. Филиппов указывает пальцем на начальника отдела искусств Герасимова:

— Это он первый сказал «э!».

Герасимов решительно возражает:

— Нет, во всём виноват товарищ Скалов из филармонии.

Тов. Скалов сваливает вину на администратора тов. Кучерова.

А тов. Кучеров во всём винит...

Словом, зрелище получилось довольно занятное. Вот только палласовцам оно не доставило никакого удовольствия...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

— Будете в Москве, не забудьте купить табуретку для нашего треста.

Дорогой Крокодил!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Очень хочется пригласить тебя погостить у нас. Да боимся, заскучаешь ты с нами!

Гуляет по нашему райцентру скука, словно эпидемия. Нет никому от неё пощады!

Мы вот работаем на отгонных выпасах, в районном центре бываем редко. И всё же стоит нам только там появиться, как начинает скука нас одолевать; и не мудрено: ведь в районе нет Дома культуры!

К кому только мы не обращались за помощью! Писали во все учреждения, имеющие в своём наименовании слово «культура». Все они от «мала до велика» (вплоть до самого Министерства культуры СССР) действительно «культурно» откликнулись на нашу просьбу.

Именно с их помощью наш райотдел культуры приобрёл две солидные папки с «проектами планов... разработки проекта».

Эту внушительную коллекцию райотдел собирает уже третий год, а строительство Дома культуры краевое управление культуры и не собирается начинать.

Не посоветуешь ли, дорогой Крокодил, что можно ещё предпринять, чтобы оба эти дела пошли «наоборот»: прекратилось бы собирание «коллекции» и началось бы строительство Дома культуры?

М. СЕРЕДА, В. БОКОВ, А. КОРНЕЕВ и ещё 23 подписи.

станица Исправная, Ставропольского края.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Тебе, конечно, известно, что рыбная промышленность отстаёт. Этот факт взволновал и заместителя министра рыбной промышленности Карело-Финской ССР тов. Коряко.

И знаешь, какие срочные и эффективные меры принял тов. Коряко? Он самолично помог рыболовецкому колхозу в с. Шуерецком наловить рыбы! И при этом тов. Коряко воспользовался не удочкой, не сетями или иными рыболовными принадлежностями, а простым... пером! Результаты превзошли всяческие ожидания! Вот что сообщил об этом сам заместитель министра в газете «Ленинское знамя»:

Колхоз в с. Шуерецком «...выловил сверх годового плана более 8 тысяч центнеров рыбы».

А ведь до появления этой статьи нам было известно, что упомянутый колхоз — единственный в Кемском районе, не выполнивший годового плана! Вместо 6 205 центнеров рыбы он дал государству всего 5 606 центнеров...

Не правда ли, дорогой Крокодил, изумительно ловится рыбка на перо тов. Коряко?

В. МОРОЗОВ, зав. отделом рыбной промышленности Кемского райсовета депутатов трудящихся.

г. Кемь, Карело-Финской ССР.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

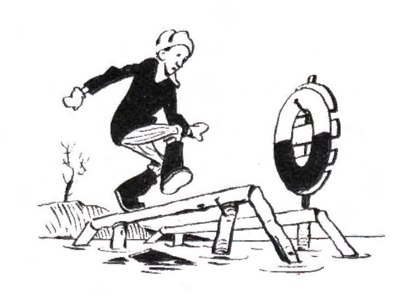
Представь себе такую картину.

Длинной цепочкой по доскам, лежащим на льдинах, гуськом бредут пешеходы... Оступаясь в ледяную воду, они с трудом перебираются через реку. Это бредут через реку Сейм, поминая недобрым словом дорожный отдел райисполкома, жители города Льгова, Курской области.

Был когда-то через реку мост. Был, да сплыл. Вместо него построили временный, да не просто мост, а мост «под горизонт низких вод». Стоит уровню воды в реке немного подняться, как мост оказывается под водой.

Летом ещё куда ни шло: разделся и поплыл. Но зимой не поплывёшь! А Сейм к тому же взял да и разлился в январе, отрезав город от железнодорожной станции. Нельзя сказать, чтобы райисполком не боролся с этой неприятностью. Он регулярно принимает похожие одно на другое, как две капли воды, решения: наладить сообщение между городом и станцией!

А пока что, дорогой Крокодил, переправа происходит на подручных средствах. Редкий переправляющийся выходит сухим из воды. Этого нельзя сказать о тех, чьи решения о строительстве переправы, как говорится, на воде вилами писаны...

А. СЕМЕНОВ

ст. Льгов II, Московско-Киевской ж. д.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00730. Изд. № 167. Подписано к печати 17/II 1955 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Заказ № 452. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

В то время, как американские генералы ведут пропаганду атомной войны, государственные деятели США для отвлечения внимания широкой публики выступают с пышными речами о своём «миролюбии».

АТОМНО-ПАЛЬМОВЫЙ АГРЕГАТ